

International

Literary

ж
е
н
е
р
а
з
н
и
ц
ы

ЛЕОНИД БЕРДИЧЕВСКИЙ МЕРЦАНЬЕ ДРЕВА

Леонид
БЕРДИЧЕВСКИЙ
МЕРЦАНЬЕ
ДРЕВА

БІБЛІОТЕКА «КРЕЩАТИКА»
ПОЕЗІЯ, ПРОЗА, ПУБЛІЦИСТИКА

ДРУКАРСЬКИЙ ДВІР
ОЛЕГА ФЕДОРОВА

Леонид
БЕРДИЧЕВСКИЙ

МЕРЦАНЬЕ
ДРЕВА

*Избранные
переводы*

Друкарський двір
Олега Федорова
Київ, 2024

УДК. 821.161.8'19-2
Б48

СЕРІЯ «Библиотека “КРЕЩАТИКА”»
Заснована в 2023 році

Составитель Б.Марковский

Бердичевский Л.

Б48 Мерцанье древа / Л. Бердичевский — Друкарський двір
Олега Федорова 2024 — 192 с.

ISBN 978-617-7955-71-8

В книгу вошли избранные переводы из разных книг, а также переводы нигде ранее не публиковавшиеся.

Творческий почерк Л. Бердичевского неизменен и легко узнаваем. К этому времени им опубликовано более двадцати книг. Они хорошо известны любителям и знатокам поэзии.

УДК 821.161.8'19-2

ISBN 978-617-8252-14-4 (серія БК)
ISBN 978-617-7955-71-8

© Бердичевский Л., 2024
© Федоров О.М., видавець, Київ 2024

С НЕМЕЦКОГО

Пауль ЦЕЛАН

МЕРЦАНЬЕ ДРЕВА

Слово, —
я обычно тебе его бросаю.
Слово, —
не более того.

Я иногда
вспоминаю об этом.
Тогда была свобода.
Мы плывём.

Знаешь ли ты, о чём я пою?
При мерцании дерева, —
я об этом пою.
Мы плывём.

Знаешь ли ты о том,
что мы плывём?
Ты плывёшь со мной
долго и легко.
Ты запросто
открываешь мне,
да, запросто открываешь мне
плывущую душу.
Я плыву за двоих.
Нет, не я плыву, —
это мерцающее дерево
плывёт.

Оно плыло когда-то.
Вот течёт пруд.
Бесконечный пруд, —
чёрный, бесконечный,
с крутого откоса.
С крутого откоса
созерцает мир.

Знаешь ли ты,
о чём я пою?

О дрейфе.
О, эти дрейфы!

Словно
созерцание мира,
но я не об этом пою.
Ты долго ещё говоришь
о движении души,
да, о движении души.

ДВЕНАДЦАТЬ ЛЕТ

Правильно
поставленные становятся
длинными строчками... твоего
дома в Париже, — к позднему
жертвоприношению твоих рук.

Трижды сквозь дыхание,
трижды сквозь сияние,
нарушив молчание,
нарушив глухоту глаз.
Я вижу вспышку яда
в разных словах и фигуре.

Уходи. Приходи.
Их гасит именно любовь. Они
сочиняют от меня к тебе.

БЛАГОСЛОВЕНЬЕ

«Хочу у неба я просить
чтоб Бог позволил лучше жить»
(Еврейская песня)

Ты
выпить хочешь то,
что завещал тебе отец твой,
и потусторонний отец,
дыханием своим
благословляя
тебя далёкими толчками
своего потустороннего,
погасшего пальца.

Благословеньем своим поощряя
саму идею освящения,
тобой накопленную
закрытыми глазами,
не голосуя, отстранив мелодию:
«должно быть так».
Ты негласно убеждаешь себя:
«луг, долина, роща», —
те слова,
что сам ты
себе присвоил.

ШЛЮЗЫ

Даже сквозь все свои мечты
не сыскать иного неба.

Лишь рот
с тысячью слов
уронил,
потерял то слово,
что оставлено мне
сестрой.

При многобожье,
потерял он то слово,
но меня вдохновил
кадиш.
Теперь я должен
сквозь шлюзы искать
то слово
в соленом приливе.
Спасти его,
и немедленно
вернуть.

ПСАЛМ

Некто постоянно лепит нас
из песка и глины.
Некто беседует
с нашим прахом.

НЕКТО

Некто клянётся
над волной напряжения,
этим оказывая любезность.
Мы расцветаем по его указке.

Некто
был нам никем, и будет никем.
Мы расцветаем
при этом,
ничейной травой.

С ухмылкой души,
нитяной пылью
небесного пространства,
покрывающей корону
пурпурного слова, сказанного нами
через... через
ш и п ы.

ЛЁД ЭДЕМА

В этой утраченной стране
луна вырастает из камыша,
замерзая так же, как мы,
накаляясь, видит,

всё видит,
потому что имеет глаза, —
зоркие глаза земли.

Ночь. Ночь выдёргивает
всё глазами ребёнка.

Видит.
Всё видит.
Все видят.
Я вижу тебя, ты видишь,
как лёд хочет воскреснуть,
останавливая собой время.

СИБИРИАДА

Излучение молитвы. Ты
произносишь её размеренно,
ты считаешь её только своей.
Вороньего цвета лебедь
повис на рассвете
с прищуренными веками
на лице, защищаясь тенью.

Слабый, холодный ветер,
не прекращаясь, висит, звеня
белым гравием в твоём рту.
Так же и у меня застрял
тысячелетьями окрашенный
камень в горле, и в сердце,
и першит
горькой землёй
на губах.

Сквозь скудное поле,
сквозь морскую осоку,
всё сегодня поплыло,
словно наша
бронзовая улица.

Я лежу здесь,
и напоминаю тебе обо всём,
загибая пальцы.

ХИМИЧЕСКОЕ

Молчание —
расплавленное золото
растраченное руками
при плавке.
Большое, серое,
как потерянные вблизи
фигуры сестёр.

И все имена
сожжённые вместе,
превращённые в пепел
из населения разных стран,
как лёгкие, воздушные кольца души.

Большие, серые, неуклюжие
заключённые.

Ты в то же время.
Ты с зубными
коронками,
ты с винным приливом
(не стоит ли нам тоже
позабыть те часы?
Хорошо,
хорошо, как твоё слово,
давно уж умершее).

Молчание —
расплавленное золото,
растраченное, израсходованное
руками
прокуренных пальцев.

Где корона?
Воздушная корона!
Большая. Серая.
Бесследного
королевского свечения.

ПОДЛЕ ВИНА...

Подле вина и растерянности
подле обоих остатков.

Я скачу по снегу, Ты слышишь,
я скачу, Господи, вдаль, —
ближе к победе
с достоинством
нашей последней скачки
сквозь человеческое заграждение.

Они губят себя, когда
сквозь нас услышат себя, они
пишут, они
прислушиваются к бормотанию,
библейских наречий.

Гюнтер АЙХ

ПРОСМАТРИВАЮ...

Всем известно,
что Мексика вымышленная страна.
Так же как, открывая на кухне буфет,
нахожу в нём истину, похороненную
в ненаписанной мною книге.

Рисовые зёрна возникли
много веков тому назад.
За окном ветер отдыхает
в стороне от дороги.

ИСТИНА ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Происхождение благодарит истину
появляясь в песке корней,
измерив движение воздуха,
как может только птица.

Благоразумнейшее из извращений, —
собраться к перелёту ласточек к горам
вечерами, не задумываясь ни о чём...

Иное — в камнетёсной беседке,
при ярком сновидении,
вспомнить бабушкину загадку:
«Закрой глаза.
Сможешь ли ты услышать что-либо,
прислушиваясь к себе?»

ТВОЙ ДЕНЬ

Твой день фальшиво ползёт,
твоя ночь залита звёздами.
Тебя не оставляют мысли, —
терзая постоянно.

Так можно себя доконать,
при бесконечном ожидании
единственной лодки у реки.
Ноги твои — дерева ствол,
ты ищешь место швартовки.

Ты должен вернуться туда,
где дождь пьёт свежую зелень.
Шаги твои торопливы,
твои слова и гримасы вульгарны.

Ты становишься молчаливым,
как комар, испуганный штилем,
как цветок, лишённый ветерка.

ЛЕМБЕРГ

1. Город на множестве курганов
в блёклой желтизне.

Колокольные перезвоны
тонут в дребезжании
узнаваемых ритмов.

2. Он запелёнат в вечный страх
перед скрипами трамваев.

Пустыри пестрят сорняками,
даже перед сорванными воротами.

СВАЛКА

Всё начинается с крапивы, —
её ощущают как мировую грусть
при порывах ветра,
как скрип кроватных пружин.

Когда сдирается золото на чашке
с рисунков цветов и винограда,
как заставить себя разобраться, —
где откровенье, где любовь, где мысль?

Как обнаружить издёвку в шутке?
Как соединить черепки по эмали
в состоянии душевного возбуждения?
Как вырастить собственное пламя?

В заржавленном шлеме
сохранить полноводье?
Заметить изгибы птицы при её купании?
Восстановить растраченную душу.
Заслужить милость пощады?

НА ОСТРОВЕ ХЕЛЕНЧЕНЗЕЕ

Мой осенний полёт во Вселенной
свободен, как ветер, как опавший лист.
Задерживается сбор винограда.
На гору всюду валит снег.

Мой малыш не желает видеть и есть пищу.
В окно врывается сухой ветер, —
судорога зябкости слегка морозит.
Вихрят опавшие листья ясеня.

Из лесу долетает хилый дождик.
Цепляется к доске объявлений.
Трубный звук с коровьего пастбища.
В замочной скважине бабий хохот.

Мой осенний полёт по Вселенной
захлебнулся сумерками. Чёрные листья
извиваются, кокетничая, как змеи.
Желтеют стёкла окон в безумии света.
Слышу смех моего малыша,
поднимающий мой взгляд с колен.

СОЛНЕЧНЫЙ СВЕТ

Солнце!
Ты падаешь на меня
то медью, то золотом.
Ты в моём сне
продолжаешь действие.

Мне хотелось бы навсегда
удержать тебя в своём доме, —
это было бы очень хорошо, —
я был бы безумно счастлив.

Ты проникаешь внутрь
то медью, то золотом.
Крепкие, белые зёрна
своими гроздьями
поглощают мой страх.

КОРОЛЕВА ГОРТЕНЗИЯ

Всё — в голубом, но ты без него,
королева Гортензия.
В лёгкой шляпке
с большими полями,
с множеством бантов.

В изгнании,
под большим кустарником,
в далёком городе Майи,
в перчатках.
Среди цветочной пыльцы,
опекаемой крыльями ос,
напоминающих твой цветок,
королева Гортензия.

Кому это доступно у озера?
Кто возьмёт себе это взаймы
под твою красоту?
Как окунуться в тишину?
Подумай
об ожерелье и украшениях,
с лопатой,
иль с обнажённым мечом?
Громогласно.

ЯПОНСКАЯ ГРАВЮРА НА ДЕРЕВЕ

Розовая лошадь,
сытая и зубастая, —
для кого?
Где её всадник,
зачем скрывается?

Появись перед ней,
в гравюру войди,
натяни поводья.

ОСТАНОВИ ВЗГЛЯД...

Останови взгляд
на лежащей доске и верёвке
на лакее хозяина казино,
на пламени в крематории,
на хохоте, терзающем уши.

РУЧЕЙ В ДЕКАБРЕ

1. Течение

разлохматило локоны водорослей.

Камни освещены звёздами.

Мысль

превращает воду в льдинки.

2. Лёд оторочил лилии.

Камыши дышат по-лягушачьи

замедленно, взахлёб.

3. Масляные капли плывут к лодке,

как тени от Ангела.

Рыб проявляет течение.

К ЗИМНЕМУ УТРУ

Когда наконец я смогу спросить?
Мне слышно дыхание дома.
Слесарь всё-таки гонит меня.
Доктор выйти не позволяет.

В лесной конюшне живёт
крепкая сила сочувствия.
Весы отнимают здоровье.
Фонарь здесь из стекловолокна.

Мне интересен колёсный след, –
он взгляд направляет в чащу.
Нет ещё снежных сугробов,
и не начат птичий перелёт.

ФЛОРА НА ПОБЕРЕЖЬЕ

Фрагмент разговора, –
ощущение, что беседа под водой
уходит в песок:

«Не было плаванья на гребне волны
с восторгом от прыжков.
Деревья несут щепки, ракушки,
крошки янтаря в воду,
мгновенно погружаясь в сумерки».

Возникает вопрос:
«Почему трава дрожит на дюне?»

ЗАПАДНЫЙ ВЕТЕР

Прежде считалось,
что ветер Атлантики беспокоен
из-за отсутствия снега,
и пламя в печах скользит.

Пятна ржавчины
на перекрёстках
дождь растворяет бесследно,
их как и не бывало.

Запахи собак, скота
и покойников,
цоканье копыт на дорогах,
смешаны в общий аромат.

У конюшен упряжки
приплясывающих лошадей
поощряются светом
витрин лавчонок.

Ветер с Атлантики слабо
плывёт в утренний порт
к пихтовым кудрям,
но и этого достаточно.

Длинное и широкое
место для порта постоянно.

Дождевые капли сверкают,
как грамотки новорожденных.

Белизна соли лежит
на церковных куполах.
Ветер! Не хочу остановить тебя,
Я люблю тебя!

ПО ДОРОГЕ К ВОКЗАЛУ

Фабрика молчалива
при лунном сиянии.
Утро морозит душу,
оно ещё раннее.

Правый карман куртки
греет бутылка с кофе.
Левый карман взволнован,
словно при катастрофе.

Я бреду, полусонный,
поезд набит народом.
Лица у всех различны,
хоть все и одной породы.

Пáром сопит дыханье,
словно в пекарне климат.
Сердцем глотаю шёпот
тихо, невозмутимо.

СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Прежде шёл жёлтый снег
из-за сейсмических колебаний,
пропуская, пропуская
себя между жёлтых пальцев
и слепа воздух
на моей одноглазой Родине,
оставляя свои надписи
словами и именами,
с дарами в ушные впадины
из Сидона,
швыря взволновано золото
по временам вниз, к стенам,
туда, где живут тайны,
и доносится современный
запах постелей, и слуги
в кожаных одеждах,
и похотливые девицы.
Где нет взятых с собой факелов
и весёлой осени.
Лишь просоленное мясо
для переходов,
и слова, и имена...

Где держат меня в башне
у воды, когда мучит жажда...

Георг ТРАКЛЬ

РОЖДЕНЬЕ

Рожденье: темень, молчанье и снег.
Тропы в лесу — следы охотников.
О, нервные взгляды мха.

Тишина матери. Тени деревьев.
Свободно разбросаны руки во сне.
Когда ж прекратит сонно светить луна?

Рожденье — ночное опьянение.
Голубая вода у подножья утёса.
Стоны утомленного. Падший Ангел.

Пробуждение в глухоте комнаты.
Двоится луна.
Блеск глаз молчаливой зрелости.

Боль. Крик роженицы. Тёмные крылья.
Движенье новорождённого в ночи.
Мягкий свет розовых облаков.

У ТРЯСИНЫ

В тумане странник. Шёпоты трубы
в тиши трясины под серым небом.
По маршруту птиц летит поезд
наперерез полотну воды.

У разрушенной гнилью хижины,
взмахнув чёрными крыльями,
взволнованная ветром берёза.

Улитка ползёт в обратный путь.
Молчаливо пасётся стадо.
И вот уж явление ночи.
Кроты прекращают шёпот воды.

НОЧНОЕ СМирЕНИЕ

Монахиня! Прими меня в темницу кельи.
Прохладой дышат голубые горы,
Роса сочится, словно кровь из горла.
На небе крест в мерцанье звёзд, как зелье.

Пурпурный рот разрушил стон свой ложью.
Игры теченье задохнулось смехом.
В руинах дома возмутилось эхо,
В последнем звоне колокола, дрожью.

Луна на облаке! Взгляни-ка, силуэтом
Плоды с деревьев падают ночами.
Могилой комната плывёт над нами.
Надгробный холм, мечтой, оставлен где-то.

ВОРОНЫ

По тёмным углам притаились вороны.
Как пятна их чёрные тени
К спине прилепились оленьей,
И дремлют, уткнувшись в сосновые кроны.

Они не считаются здесь с тишиною,
Покой отнимают у поля,
Как бабы, клянущие долю,
Дерутся и ссорятся между собою.

Но вот, мертвечины почувствовав запах,
Взлетают и мчатся мгновенно.
Добычу найдут непременно,
И клювами рвут и несут её в лапах.

АМИНЬ

Заполнена комната запахом тленья.
Тени жёлтых обоев бегут в зеркалах.
Руки цвета слоновой кости печальны.

В мёртвых пальцах коричневый жемчуг.
И в тишине
Открылись капли голубых,
ангельских глаз.

Вечер голубоват.
Отмирания время. Тень Азраила
Затемняет собою крошечный сад.
Аминь.

ВЕЧЕРНЕЕ ОБРАЩЕНИЕ К СЕРДЦУ

Крик летучих мышей, оглушающий вечер.
Ворон скачет по лугу.
Шелестит красный клён.
Путник видит кабак — путь туда обеспечен, —
Там вино молодое и орех недурён.

Под хмельком хорошо прогуляться по лесу,
Сквозь листву уловить колокольную боль, —
Ничего, это только церковная месса.
А роса на лице? Какова её роль.

НОЧНОЙ РОМАНС

Под сводом звёздного шатра
Гуляет путник-полуночник.
Малыш в испуге прячет очи.
Луна, как серая дыра.

За зарешёченным окном
Девушка льёт обильно слёзы.
Влюблённые нырнули в грёзы
Восторженно, — в пруду немом.

Убийца бледный пьёт вино.
Больных охватывает ужас.
Монашка пропустила ужин,
Припав к распятию давно.

Спросонья мать поёт для всех.
Ребёнок на оконной раме
В печь смотрит умными глазами,
И сдавленно бормочет смех.

В подвале от коптилки свет.
Мертвец рукой малюет что-то.
Молчанье разрушает шёпот.
Все вроде спят, и страха нет.

МУЗЫКА В САДУ МИРАБЕЛЬ

Фонтан поёт, и белых облаков
На синем небе разгулялась стая.
И, окунаясь в праздность вечеров,
Гуляют люди, скуку коротая.

Уж белый мрамор стал совсем седым,
Вдаль острым клином улетают птицы.
И мёртвый Фавн увидит: словно дым
Исчезла тень, чтоб в тишине укрыться.

С деревьев старых падает листва,
Влетая в окна со всего размаха.
А на стенах, как капли волшебства,
Танцуют блики призраками страха.

Вот Белый гость переступил порог,
К нему собака бросилась навстречу.
Погасла лампа. Подведён итог.
И звук сонаты обозначил вечер.

ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ СКОРБЬ

Часы перед заходом били пять,
И ужас у людей застыл во взгляде.
Деревьев голых шум остался сзади.
Лик смерти у окн устал стоять.

Возможно ль время нам остановить?
Ночных видений проплывают лица.
На пристани монашек вереницы,
В такт пароходам убавляют прыть.

Вдруг слышится мышей летучих крик.
Гробы сбивают тут же, на полянке.
В развилине лежат людей останки.
Тень сумасшедшего явила лик.

В осеннем небе стынет синий луч.
Во сне влюблённые сплелись телами.
На звёздах ангелы плывут ночами.
Впотьмах виски людей белее туч.

ГРОДЕК

Нынче вечер окрашен в цвета вечернего леса.
Ежедневно с вершины разносится вспышками злато,
При озёрной голубизне и ненасытности солнца,
С жадностью катит вперёд торопливая ночь.
Солдат, умирающий горько и дико, издал
Вопль, что идёт из его окровавленной глотки.
Только где-то вдали мирно пасётся стадо.
За облаком красным Бог наблюдает сердито.
Яркая кровь заката разлита по лунной прохладе.
Провалены улицы в чёрную бездну пространства.
Звёздная ночь плавно ныряет в золото веток.
Ветер шагает тенями по молчаливой роще,
Приветствуя души героев чёрным своим итогом.
Звуки трубы влились в осени жёлтую флейту.
О, гордость печали! Тебя на алтарь бы железный!
Горячее пламя души насыщено властною болью.

В ГЛУБИНЕ

Дождь летит на скошенное поле,
и на одинокое дерево с краю.
Ветер с шёпотом кружит в пространстве,
наполняя вечер печалью.

Поодаль
нищий собирает случайные колосья.
В сумерки ловит глазами золото зёрен,
колени его упруги, как у юноши.

Пастухи, возвратившись,
находят тёплое ещё тело пастыря,
тлеющее в терновнике.

Тени скачут по силуэтам деревьев.
Господь молчалив.
Я в роще пью из источника.

Из холодного металла звезда на тропе.
Пауки ищут сердце пастыря.
В его рту затухает свет.

Я ночь провожу на пустыре,
разглядывая звёздную пыль
и мусор в орешнике...

Бесконечен звон хрустального Ангела.

ВЕСНА ДУШИ

Цветы голубые рассыпаны кругом,
с улыбкой они на земле умирают.
Серебряной гранью полощется время,
и тишина ускоряет раздумье.

Жизнь болью в поездке кипит,
сладок покой лишь в могиле,
при заунывном звоне колоколов,
при солнечном блеске лучей.

Ива сочится эфирным шёпотом,
мигая ресницами веток.
Весной еще только подшептывает
влажный плющ, трепеща похотливо.

Хлеб, вино и улыбки сочны, бессловесны.
Океан продолжает свои рассказы,
сверкая призрачным светом.

О, как красиво проходят дни,
пряча свои тайны в сумерки.
Голубизна схвачена ветром.
Дрозды свистят, восторгаясь ночью.
Дыханье сокращается до глухоты.

СВЯЩЕННЫЕ СУМЕРКИ

На опушке леса дыханье тишины.
Глубокая темень.
Ветер завершает тихий вечер.

Замолкают рыдания дроздов.
Осень подступает к порогу.
Печные трубы проваливаются в тишину.

При мрачном небе
наливаются маки
возле ночного пруда.

Однако звёздное небо
поглощено лунной молитвой
священной ночи.

РАЗРУХА

Простужен ветер. Прекратил он пеньё,
и сразу погасил большой фонарь.
На небе лунный потускнел янтарь,
и колокольный звон уплыл за тенью.

Картина вечера вконец притихла,
у облаков исчез полёта дар,
а в комнате от духоты угар,
и ворон стих, учуяв запах лиха.

Утерян темп движения дневного,
от масок каменных лишь слабый свет,
да пустоты чуть виден слабый след —
иллюзии невысказанной слово.

Вокруг ночная царствует разруха,
останки сада — вздох людских судеб,
и дрожь ползёт в полузакрытый склеп,
где кашляет случайная старуха.

ИЗ ОКНА

Над крышами неба голубизна,
и облака проплывают мирно.
Деревья стоят в вечерней росе.
Птицы пьют небесную влагу.
Воздух пляшет кровавым закатом.
В этом и есть сама Жизнь...

Полдень застелен тишиной.
О, Господи! Это богатство мира.
Хоть грусть захлестнула, но время летит.
Жизнь привлекательна только снаружи.
Море спасает от одиночества.

Сердце моё не приемлет радости.

СРАВНЕНИЯ

Пейзажи предъявляют жизни суть —
я подмечаю в сумеречном свете, —
на небе облаков тернистый путь, —
там маски мертвецов в небесной клетки.

У каждой свой неповторимый взгляд,
и каждая по-своему мигает,
хоть общий страх и ненависть сквозят,
и каждый день, как предыдущий, тает...

Но мне покой нисколько не сродни, —
трагедию я с фарсом сочетаю,
не замечая, что несутся дни,
как беззаботных птиц большая стая.

СОННОЕ

Затишающее дыхание
способствует провалу в сон.
В саду недоступном взгляду
деревья погружены в сумерки.
Их шелесту аккомпанируют змеи,
обвивающие стволы.
Крики летучих мышей
рвут тишину на части.

Жалкие клочки теней
непоседливы при восходе солнца.
Ночная влага деревьев
проваливается в песок.

Суетливые косули летят с обрыва.
Звёзды исчезают по одной,
закутавшись в покрывало неба,
проглатывая по пути темень.

Строгим взглядом,
колючими поворотами
голубизна врывается в деревню.

Вспышки пурпура
улыбчиво влетают в окна кабака
и пляшут на половице
при угасающем лунном свете
и возмущённо тающих тенях.

ПОДСОЛНУХИ

Тихи золотые подсолнухи,
они готовятся к смерти
покорно, все сразу,
расшатывая покой тишины,
в последние мгновения жизни
при скупой горной прохладе.

Бледны после ласки солнца,
испитой до конца звёздами
из их золотых цветков.

Молчание их тоскливо
в тиши, отнимающей их жизни.

В ЛЕТНИХ СУМЕРКАХ

Летние сумерки сосредоточены.
Из их разжатых уст дыханье
летит в золотую долину.

Слышна пастушья свирель,
ей в такт подпеваает листва.

Словно зритель, на опушке,
окаменевший вороний зрачок
слушает звуки,
что поднимаются к облакам,
в их серый простор.

За день накалены розы
под мрачным забором,
они умирают от зноя.
Зелень вокруг чахнет
от любви к розам.

Ингеборг БАХМАН

БЕЗВРЕМЬЕ

Начинается трудный день
с исчезновения безвременья
маячившего на горизонте.
Зашнуровываешь ботинки
и прямо из дому направляешься
на рыбную ловлю,
где разгуливает холодный ветер.
Сквозь низкую зелень едва
пробивается свет.

Ты обращаешь взгляд к туману:
исчезновение безвременья
с маячившего горизонта.

Торопишься по песку на берег.
Изгородь высоких тонких стеблей.
Ты швыряешь в них слово, —
эхо старательно подхватывает его,
прощаясь с ним
словно после жаркого поцелуя.

Разглядываешь шнурки на ботинках.
Решаешься идти на охоту с собакой,
зашвырнув рыбу подальше, в море,
пробираешься сквозь гущу кустов.
Так начинается трудный день.

ЭМИГРАЦИЯ

Я — ходячий покойник,
без общества,
без стран и префектур.
Незамечена в золоте городов,
и в зелени стран.
Я для всех закончена,
ником не учтена.

Разве что ветром,
временем и звуком.

Я не могу жить среди людей.
Я погружена в немецкий язык, —
это облако во мне.
Я охраняю его, как жильё,
оберегаю от других языков.

Оно слегка затемнится
только звуками дождей,
редко летящими.

В светлых зонах оно
несёт свои звуки вниз.

Георг ГЕЙМ

ДЛИННЫЕ ТВОИ РЕСНИЦЫ...

Длинные твои ресницы,
темней воды твои глаза.
Позволь мне прикоснуться к ним
и утонуть в твоей глубине.

Тропа приводит шахтёра в шахту
при дрожи мутной его лампы
через высокие, кованые двери,
раздвинутые тенью стен.

Я вижу там свой подъём
к твоему манящему лону.
Возвращение оттуда угрожает
появлением пасмурного дня.

Поле тогда цветёт, когда ветер
пьёт влагу из зёрен,
хоть там и высокие колючки
под дождевым небом.

Сожми мою руку с желанием
прорасти друг в друге.
Добычей ветра является птица
со сломанным крылом.

Прислушаемся к финалу лета,
как гроза к звукам органа.
Искупаемся в дыхании осени
на побережье ясного дня.

Мы молча стоим
на краю тёмного источника,
разглядывая его с любопытством,
ищем в нём притаившуюся любовь.

Затем возвращаемся
сквозь тени золотистых лесов
от солнечного сияния к тебе, —
там нас ласкает звёздный сок.

Хочется, стоя на земле, увидеть
море с жёлтыми бликами.
Там блаженно плывёт по ветру
сентябрьская бухта

вверх, к домашнему покою,
к крепкому цветочному аромату,
через высокие скалы,
где покой разволнован ветром.

От тополей доносится
пьянящий запах пива,
спускаясь на опавшую листву,
оставляя нам своё дыхание.

О, святая грусть!
Взаимная любовь льётся
из огромной кружки,
которую залпом пьёт сон...

ЗАПАХ ВОЗДУХА

По воздуху, что запах тянет скупю
рассыпался рой ошалевших пчёл,
им к ульям путь немислимо нащупать.

Где прежде был цветник, пригорок голый,
свирепый ветер завывает тупо,
мечты разбрызганы, — их ветер не нашёл.
Обвила плесень замершие трубы.
Весло мертво, скучает дряхлый чёлн.

Вокруг народ рассыпался, как пчёлы,
и каждый миром напрочь позабыт, —
устали плыть под флагом произвола,
давно уж всем осточертела жизнь.

ПОВСЮДУ РАЗРУШЕНИЙ ПОЧЕРК...

Повсюду разрушений нервный почерк,
чертополохи на пространстве крыш.
Звон колокольный возмущает ночи,
река прогулкою шуршит, как мышь.

И небо задохнулось в полумраке,
и в души навсегда вселилась грусть.
Веселья вспышки делают зигзаги
то в суету, то в скорбь, то в шёпот уст.

Улыбок нет, а хохота, — тем паче,
расплылся жирно по душе сургуч.
Глаза опущены, — стыдливость прячут,
и солнце нехотя бросает луч.

ФИНАЛЬНАЯ ВИГИЛИЯ

Ты бледна, ни кровинки, повисло безмолвье,
а лицом овладела застывшая грусть.
Запрокинуты руки узлом в изголовье,
взгляд совсем отрешен, — он бессмысленно пуст.

Словно старость черты твои вмиг изменила
и морщинами скомкала кожный покров.
Губы в скорбной гримасе скривились, застыла
и исчезла улыбка, лишь дрожь у висков.

Утром будет навеки с тобою прощанье.
Трупный запах удушлив, — он съел кислород.
Гроб украсят вазами роз и герани,
чтобы легче принять твой внезапный уход.

Ночь впервые откажет мне в страсти. И скука
чёрной молнией тупо промчится по мне.
И судьба не отпустит ни вдоха, ни звука,
время вроде заглохнет в слепой тишине.

Альберт ЭРЕНШТАЙН

НАДЕЖДА

Я безволен.
Слепые камни смотрят
в мои глаза презрительно.
Моё старое кресло
коротко для ног,
но доставляет радость, —
приятно сидеть в нём.
Оно мягкое и ещё крепкое,
и придаёт мне смелость
и надежду на несбыточное,
не напоминает о бедности
и постоянных недугах,
о неизбежности смерти.

СТРАННИК

Мои друзья шатаются по свету,
Им не нужны порядочность и страсть.
На их устах дрожь всех сердец играет,
И танцы лживей всяческих чудес...

Я с детства сторонюсь шальных красоток.
Сон для меня, — не более чем сон...
Меня от сна пробудит луч оконный —
Он не бросает лишних слов в лицо.
И как твои бы губы ни кривились,
В ответ моих не сможешь ты найти...

Знакомы мне клыки собак свирепых.
Живу в компании со сквозняками
На верхнем этаже, где нет комфорта...
Там плесень украшает стойкость стен,
И трещины от сырости повсюду...
Смерть обращается к ножу всё чаще,
А за окном спешит нелепо жизнь!
Пусть будет так. Не урезонить время,
Оно настойчивей красотки, что спешит,
Хоть не люблю его я, как тебя...
Дождя капризы — мой любимый враг!

НА БЕЗДЫХАННОЙ ЗЕМЛЕ

Начинаю с езды на локомотиве.
Радуют пляски небесных светил.
Блеск сбруи проезжающих лошадей.
Радуют дубы, моргающие кронами.
Холодное серебро озера с форелью,
Лесные кабаны, и чирикание воробьёв,
Зелень кустов и запахи полевых цветов.
Оставив дорогу, пешком иду по полю.

Мой принцип:
«Радость дарят друзья и природа!»

Я ненавижу сумерки.
Радуюсь любви мужчин к женщинам, —
Посылаю привет от кровоточащего сердца,
разбитого в клочки. Вряд ли я прав во всём!
Примите сентиментальные чувства
моего учащённого дыхания,
мою любовь ко всей планете...
Слабые ноги мотают меня по сторонам.

ПЕЧАЛЬ

Я напряжён, перегружен печалью,
Как вагонетка полная углем,
проезжающего по мне времени,
задевающего клетки моего тела.
Мои редущие волосы,
поседевшие и уставшие,
словно попавшие под острый серп,
проявляющий ко мне внимание...

Засыпаю во мраке своих костей,
в крепком наряде своей печали,
с дрожью, как трава на ветру, мыслями,
окунаясь в чернозём своей головы.

ПОЭТ И ПЕСНЯ

Моя песня — всеми подхваченная мелодия...
Я напеваю её лесу, морю и небу,
Но навстречу мне молчаливые одиночества.
Цикада поёт лишь для себя,
я — лишь себе.
Я огорчён своими шагами,
утомлёнными от песен,
от сиюминутности взглядов,
от бесполезности движений,
от рокота воды, детей и улиц.

Я не замечаю пропастей, и полёта стрел,
шёпота берёз и свиста ветра.
Я засыпаю при звуках арфы,
я говорю себе: «Брось, не стоит»,
но всё памятно мне и утешительно,
даже загрязнение мира.

МЕНЯ ПОДЖИДАЕТ СМЕРТЬ

Я безнадежен.

Солнце является ко мне ниоткуда,
и приносит с собой камни печали,
и безумную надежды на счастье.

Желание не замечает проституток,
не звенит для меня по-немецки:
«Я люблю тебя!»

А если и звенит, то отдалённо, из звёзд,
иногда от жены со злостью, полушёпотом.

Меня повсюду поджидает смерть.

Она без спроса пьёт мою кровь, как вино.

Мои сухожилия позволяют расслабиться,
они с тревогой держатся в теле, задыхаясь.

Они тактичны, как волны на море, в ожидании ветра,
как женщина, подстерегая своё время.

КОПАНИЕ В СЕБЕ

Месяцы и недели я бессловесен,
люблю одиночество,
особенно беззвёздное,
замыкаясь в себе.
Взгляд вокруг туманит зрение.
Я забиваюсь в угол,
словно испуганный паук,
чтобы никто меня не раздавил.

Я не сделал никому ничего плохого,
лишь иногда помогал кое-что уладить.
Но никогда не был счастлив,
похоронив мелькнувшие желания.

МИРНОЕ ВРЕМЯ

Деревья любят радугой.
Зелень треплет тишину.
Ягнята блеют на пастбище.
Девчонки с шумом скользят по воде.

Вечерами солнце совсем низко.
Пушистые облака умирают
в сумерках в час прилива.

Лягушки скачут, выкатив глаза.
Вокруг меня огромный луг.
Звёзды звенят в источнике.
Попутный ветер желает доброй ночи.

НЕИСТОВСТВО

Я стремлюсь уничтожить мир,
разрубить его на куски.
Это пламя моей жизни,
и неистового чувства смерти.
Я живу в пылу одержимости,
я владею морем таких чувств
и с жадностью пожираю людей,
почти бесцельно...
Мои сухожилия крепнут,
во мне кипят силы для убийства,
для тысячекратного нападения.
Я — холера,
поглощающая беспощадно
Запад и Восток.

Карл КРОЛОВ

ПОСЛЕДНЯЯ НОЧЬ

«Ночь пожелала быть чёрной и белой»
Ж. де Нерваль

Оставь! Ночь пожелала быть
чёрной и белой.
Чёрной, как пробка,
прокопченная на огне?
Белой, как смерть
Виржинии во Франции
от ангела,
летающего по её тропам.

Чёрная и белая ночь, спотыкаясь,
шагают под уличными фонарями.
Губы их окрашены сажей
из прихожей.
Губы опухли от снега, —
они нежны
от встречного ветра,
рты заполнены нелепыми
чужими словами.

Оставь!
Ночь, как школьный мелок,
как детский укус.
Ночь, как фитилёк свечи,
и шуточный шёпот:
чёрное, белое.

На твоём лице
спрессовался круг из стекла
в крохотную,
дождевую слезу,
словно картина,
когда женскую грудь
ласкает мужчина,
и она несмело
просит оставить её.

Оставь!
Ночь стремится
к совершенству при ветре,
треплющем шевелюру.
Желает стать гигиенически белой,
но только с подсветкой
чёрной и белой тени....
И я с ней:
исключив воспоминания.
Последняя ночь.
Отсутствие ожидания!

В ЗАЗЕРКАЛЬЕ

На золотом кругу
кружится зазеркалье.
Там город из стекла,
застывшие дома,
автомобили движутся
перед тихою стеною,
и транспорт городской
зеркально отражён.
Там воздух замер,
розовым фламинго,
и тишины оскал,
как онемевший зверь.

В глазах твоих пруд ожил, —
терзает всадников его покой.
Твой рот открыт, —
в нём хохот расплескался,
и мир растерянно живёт.
Но твой мертвящий профиль
направлен к облакам.
Фламинго пожелал пожить, —
и он в руках твоих трепещет,
и я кричу, открыв до боли, рот.

МИФОЛОГИЯ СТЕНЫ

Мифология стены.
Отбросим восьмилетие,
или руки тех, чёрных минут.

Вы проходите мимо,
приветствуя свои мысли...
Наши женщины несут
обожжённые кирпичи.

Нам снится стена, —
она старше нас.
В мертвяще холодной
извести носилки и кожа.

Вы проходите мимо,
оглядываясь на неё
по сторонам, и назад.
Стена под луной,
как пёс в виде татуировки.

СУТРА

Утро начинается с молитвы...
Голубая рыба пред глазами.
Тени рук
проскальзывают к бёдрам
плотным, исчезающим пятном.
Тишина сидит,
как сизый голубь,
не решивший ворковать под утро.
Женщины
раскинулись в кроватях,
в одиночестве всю ночь лежат,
словно погорельцы
в гари спичек,
неподвижны, как большие куклы.
За окном парит
прозрачный воздух.
Руки, как свободные две плети.
Улицы призвали их
к движенью,
на физическое примененье.

ВОСПОМИНАНИЕ

Вспоминается фигура женщины.
Он влюблён в неё вечно, безвольно,
даже в бескровную, морщинистую,
бесконечно думая о ней,
вне времени и событий,
как о неувядшем цветке,
о не потускневших камнях.

Вспоминается фигура женщины.
Он декламирует, словно стихи:
её шею, груди, голубизну глаз, —
всё скользящее очертание, —
этот пористый материал.
Её любовь освещается
лунным светом,
ласкающим тьму.
Свидание с ней,
стремительно,
как взгляд мгновенья,
как женская рука,
отдыхающая
на мужском плече...

ЯВЛЕНИЕ

Смертельная бледность лица
серебрится монетой в реке,
сверкающей вдали.
Он восходит, словно со стула,
ощущая запах воздуха
сомкнутыми губами,
беззвучно паря над улицами.

Он ловит своей спиной
в раскалённой мантии, взгляды.
Голова его в терновом венце,
словно в обычном тюльпане, —
всё-таки, цветок без листьев.
Его путь лежит к чёрной птице,
сквозь непроглядную темень...
Он замечен людской толпой
безымянным, падающим,
много позднее своей смерти.

НА БУЛЬВАРЕ

Запах платанов
окутал диванные скамьи.
Они здесь для отдыха,
чтоб посидеть на природе,
как дома, на стульях.
Вдали от дорожной пыли,
рассматривая
белые стволы платанов.

Дыхание утра
здесь, на бульваре,
замедляя время,
плывёт по воздуху,
по шляпам и взглядам пар.
Гардины насторожены
молчанием фортепиано, —
музыка здесь неуместна.

Полуденный зной.
Небесная голубизна
пляшет на асфальте.

ВРЕМЯ ПОЛУДНЯ

Свет не зря падает
Перпендикулярно.
Кто закрывает глаза
в полдень? Цветы
висят со сломанными
затылками
на тихом ветру.

Звуки камнепада, как свист
при открывании
пивных бутылок,
или собачьего воя
в стоге сена.
Шебуршат мыши,
как женские ляжки.

Тени широкооруко
постоянно расплываются,
словно звуки,
реагирующие на всё.

Альфред ЛИХТЕНШТЕЙН

БИТВА У СААРБУРГА

Земля покрыта плесенью тумана,
Вечер вспухает, как каша.
С карканьем рвутся снаряды
и крошат всё вокруг себя.

Повсюду дымят тревожные вести,
приходя из-за горизонта деревни.
Я лежу, Богом забытый, головой
глотаю стрельбу с фронтовых позиций.

По воздуху мчатся медные птицы,
их гул оседает в мозгах и на сердце.
Молчанье прочно сковало уста.
Серость. Я прошу звёзды не исчезать.

Теодор ФОНТАНЕ

ИСХОД

Спокойней, тише, но, увы,
уже трещат у жизни швы,
расходятся поодиночке.
Любовь, надежды и мечты,
во что так свято верил ты,
в последней захлебнулись точке.

Фридрих НИЦШЕ

СОЛНЦЕ САДИТСЯ

1

Тебе недолго пришлось ожидать,
моё уставшее сердце!
Воздух, словно уста незнакомца,
приносит известье:
приближается холод великий..
В полдень солнце ещё не погасло.
Я приветствую ваш приход,
внезапные ветры, —
хóлода верные духи!
Воздух прохладный и чистый
за мной наблюдает украдкой,
косясь соблазняющим взглядом.
Надвигается ночь,
прими её, моё сердце,
не спрашивая: «почему?»»

2

День моей жизни!
Вот солнце садится,
но стоит ещё гладкий
диск золотистый.
Тянет теплом от скалы,
луна отдыхает в полдень,
переполнена счастьем.
Даже зелёные огоньки
весело светят в зелёную пропасть.

День моей жизни!
Приближается вечер,
приближает глаз свой
полузакрытый,
как росой набухает
слезинками он,
и течёт по белым морям
пурпур любви моей, —
это блаженство робкое...

3

Веселье, приди, золотая ясность!
Ты смерти сладкое таинство!
Не быстро ль шагаю я дорогой своей?
Теперь, когда ноги вконец устали,
твой взгляд догоняет меня,
и счастье не поспевает за ним.
Играя, плещет волна,
что прежде была мне в тягость,
уходя в синеву забвенья.
Мой чёлн остановлен,
о буре и плаванье он позабыл!
Надежда моя и желанье уснули,
душа спокойна, как море.
Седьмое моё одиночество!
Не ожидал никогда,
что близко томленье покоя,
и солнечный луч намного теплее.
Горит ли лёд моей высоты?
Воздушной серебряной рыбой
мой чёлн выплывает...

Рихард ДЕМЕЛЬ

МОЛИТВА ВОЗДУХОПЛАВАНИЯ

Глубина души непостижима.
Ты восприимчивое существо.
Ты — трагическая доброта.
Каждый идет к смерти по-своему:
Бог, как обычный человек,
как звери, растения,
кристаллы, неземные демоны.
Один превращается в другого
в мире, в небесных светилах,
строит одно, разрушает другое,
переходя из одного состояния в иное,
выпуская коготки, борясь с разлётом
своих крыльев.
Самолёты и птицы — похожи,
одна восемнадцатая из них в тебе,
и крупцы совершенствуются
в твоём воображении,
как водяная пыль в потоке дождя,
насквозь прорубая себе путь
безотчётно.
Лишь молчаливая благодарность
твоего воодушевления таится
в осознании страсти,
перекрывая пылью твоё дыхание!
Фантастика!

ТИХИЙ ГОРОД

Раскинулся в долине город.
Безликий день пришёл к концу.
Он дольше не желает длиться,
до света лунного и звёзд.

От гор окружных простирает
туман свою над нами власть.
Ложится на дворы и крыши,
лишь дым пускает регулярно
на башенки и на мосты.

Однако он, как мул-бродяга,
взрыхляет почву беспощадно,
беззвучно при густом тумане,
хвастливо городом гордится,
своим наивным детским ртом.

ГОЛОС ИЗ ТЕМНОТЫ

Рыдание плывёт из темноты.
Хочу узнать я, что же это значит?
Привычно по ночам рыдает ветер.

Рыдает ветер где-то очень близко.
Не удивляюсь, он рыдает по ночам.
Или в моих ушах рыдает кровь?
Всего-то кровь моя рыдает.

Рыдает кровь моя или чужая?
Нет, кровь моя спокойна ночью.
Я думаю: Господь рыдает где-то...

КЛАДБИЩЕ

Ветер упрямо качает кроны сосен,
треплет искалеченные берёзы,
сеет печаль на кладбищенских холмах.
Война уже гремит где-то вдали.

Большие кресты, малые кресты
лежат и стоят рядом друг с другом
между разрушенными могилами,
словно бы оставленные деревни
кругом, — слева, справа, прямо.

Готовясь к бою в пустыне, работают
под песком и гравием.
Захлёстывает слабая дремота,
от неё страдают неприятели.
За всем этим сам Бог наблюдает.

НОЧНОЙ НАТЮРМОРТ

Когда весною пелена тумана
опустится на деревенский пруд,
по вечерам разносится «ква-ква».
Так первая лягушка начинает,
за ней вторая: «ква, ква-ква»,
как эхо вторит ей.
И далее все стройным хором:
«ква-ква» да «ква-ква-ква»,
а после вся орава
терзает беспощадно тишь...
И вот уже над ними
тускнеет солнца блеск,
порхает бабочка в лазури,
переливаясь всем
великолепьем цвета.

ЭОНИЧЕСКИЙ ЧАС

Альфреду Момберту¹

Прекрасный пьяница!
Храню в стакане каплю грусти,
непрошенной слезою сердца
она агонизируя, блестит.
А ты поёшь, не прекращая:
«Шумело море, как оно шумело!»
Звёзд фонари бегут вперегонки,
и пляшут духи по земному шару.
В моём стакане встрепенулась капля.
Разлился свет, и в бешеном его потоке,
из сердца моего кружится капля.

¹ Альфред Момберт (1872–1942) — немецкий поэт, экспрессионист.

Август ШТРАММ

ВЕЧЕРНЕЕ СТРАНСТВИЕ

Протискиваемся сквозь ночь
спокойными шагами.
Руки судорожно сжаты.
На свету расплываются тени, —
это наши тени!
Мерцание звёзд колеблет небо.
Нависают тополя,
словно парят над землёй.
Сонная земля бледнеет
под обнажённым небом.
Ты дрожишь, изо рта плывёт пар,
словно ты шлёшь поцелуй,
свой невероятный поцелуй!

СУМЕРЕЧНЫЙ РАССВЕТ

Свет разбудил темень. Темень разбудила свет.
Пространство заглатывает пространство.
Ключья облаков уничтожают друг друга
оставаясь в одиночестве.
Мечты пляшут и тонут в пространстве.
Мои суставы ищут друг друга,
но каждый ласкает себя.
Суставы хрустят, поют, кружат,
фиксируются под разными углами.
Свет уничтожает одиночество.
Мечты плещутся в водовороте времени,
вздыбившись, держат суставы,
вибрируя, по кругу!
Свет тешит одиночество,
течёт, разрывая меня на части!

ПАТРУЛЬ

Враждебны камни.
Окна звенят изменой.
Давят сухие ветки.
Горы топорщатся.
Гремит, задыхаясь, смерть!

Иван ГОЛЛЬ

КАРАВАН ЖЕЛАНИЙ

Длинный караван — это наши желания,
он обжигает нас полётом боли,
постоянно сжирая наши сердца.
Пусть нам известна прохлада
воды и ветра,
и нас повсюду ожидает Элизиум,
всё равно, — наши желания с нами.
Они залетают из окон,
как звёзды, умирающие потом,
но наша звезда остаётся в Паноптикуме.
Её, даже восковую, мы любим.
Однако, пылая, горит она в наших
изношенных сердцах,
и льётся, как воды Нила и Ниагары,
пронзая нас криком жажды желаний.

Эльза ЛАСКЕР-ШЮЛЕР

ХРОНИКА

Отец и мать уже на небе.

Аминь.

И там три тени рядом с ними, —
все окунулись в сновиденье,
в гостях у Бога, — сохраняют грусть.

Нас было три сестры и брат один.

Мы жили тихо, словно сфинксы фараона.

Всемирная война была на стрёме.

У Мастера был точен глазомер, —

Он знал, где брат мой обитает,
о сёстрах, — о моих принцессах, —

их вечном хомуте на шеях,

он знал, что Божий сын живёт на небе,

о том, что всем по вкусу наша кровь,

и солнца вдоволь.

Мертвящая прохлада на земле,

но голодать мы всё равно не будем

и будем помнить, — всё на свете смертно.

Аминь.

Стою я с краю у могилы общей,

не вижу продолженья нашей жизни.

Наш пароход плывёт по разным странам,

встречая по пути то злобу, то улыбки.

Мы лишь стираем пыль событий

безразличных,

и времени уставшую тоску.

И к Дьяволу мы жалость проявляем

и снисхожденье при общенье с ним.

ПОСЛЕДНИЙ

За спиной едва слышна музыка ночи, —
постепенно она затухает.

Обращаю мечты свои к звёздам,
они направляют лучи, словно стрелы, к земле,
приближая собой непроглядную даль.

Луна представляется мне световым пятном,
при этом, что-то бормочет,
как дервиш, кружась в магическом танце.

В сиянье плывёт силуэт юноши
белопенистый, среди ночи
разрезая лавину облаков,
но серость ночная прочна и плотна.

Дрожь в моих коленях участвует в этом,
и сохраняя караул на посту облаков,
руки мои ощущают гибель всего человечества.
Погода служит происходящему.

За спиной едва слышна музыка ночи, —
постепенно она затухает.

ВОТ ВЕЧЕР НАГРЯНУЛ

Вот вечер нагрятул. Я вижу звезду,
по ней я до дома дорогу найду,
хоть путь и подёрнут туманом густым,
но сердце укажет мне ту борозду.

Багаж невелик мой, — почти невесом, —
он, как в скорлупе, где белеет миндаль.

Ты руку мою прижимаешь своей,
ведь нашей любовью они обвиты,
мы рядом шагаем в туманную даль,
вокруг тишина.
Я и ты.

ПОСЛЕДСТВИЕ БОЛЕЗНИ

Знаешь ли ты о том,
где я буду после больницы?

Бог оставит меня,
да, — ты это знаешь.

Это случится в осенний день,
ветер поймает боль
и подарит улицам
вместе с холодным взглядом смерти
меня угостит он холодом.

Где блеск сапфировых глаз твоих
со вспышками молнии,
где твои волшебные сказки?

ПАУЛЬ ЦЕХ¹

Пой дед пред заколдованной девицей
из сказок братьев Grimm.

Ведь Пауль Цех — твой внук,
стихи свои он пишет топором.

Они тверды настолько,
что можно взять их в руки.

Его стихи становятся судьбой
скорбящего народа.

Он в сердце мыслящее влил
бальзам своих стихов.

Его хрустальные глаза
рассматривают утро мира.

¹ Пауль Цех (1881–1946) — поэт-экспрессионист, прозаик.

ГЕОРГ ТРАКЛЬ (1)

Его глаза устремлены вперёд.
Он, словно юноша, сошедший с неба.

Слова его наружу рвутся, —
туда, где бледно-голубые облака.

Мы о религии с ним споры заводили,
как две безостановочных шарманки.

И в каждом звуке, наш ведомый, — Бог.
Сперва был он, а после — Слово

Поэта Слово крепости подобно,
стихи его — поющие трактаты,
в которых в каждом слове дремлет Лютер.

В трёхстишиях, — душа. Она в его руке,
как на войне священной.

И вроде бы я знаю, что он умер.

Но облака его по вечерам
являются толпой в мою квартиру.

ГЕОРГ ТРАКЛЬ (2)

Георг Тракль пошёл на войну
и там себя уничтожил.
Он был единственным в мире,
кого я любила.

В ТОСКЕ ПО ДОМУ

Я знаю хорошо язык
страны, прогретой солнцем, —
её спокойные шаги,
и облаков прогулки,
не знаю толкованья их.,

Здесь ночь, — чужое царство.

Мне не забыть Лесных Царей
и звёздность поцелуя.

Звук, вылетающий из губ,
усиливает эхо.

Всё вместе связываю я,
прильнув к твоим коленям,

и к тайне твоего лица,
укрытого слезами.

Участвую в полёте птиц
приглушен цвет коралла.

Свой взгляд переносу я в сад,
за нежностью твоею.

Ты можешь сгладить смерть мою, —
ведь ты в отца короне,
и помолиться у реки.

ТРИ ГОЛУБЯ

Наши души цеплялись за утренний сон,
словно косточки вишен за мякоть.
И деревья кровавыми брызгами крон
хохотали, мешая нам плакать.

Дети, — в каждом улыбка, порыв и душа, —
ради них мы кружимся по свету,
песни неба вдыхаем почти не дыша, —
в них поминки по бабьему лету.

Южный ветер нам свистом показывал путь,
мы, — три голубя, — верой едины,
постарались нежнее друг к другу прильнуть
поцелуем почти голубиным.

Клэр ГОЛЛЬ

Я В СЕРДЦЕ ТВОЕМ РОДИЛАСЬ

И. Г.

Я в сердце твоём родилась
в воскресенье,
двадцатилетней.
Я испытана танцем
на канате, под облаками.
Ты присвоил мои глаза
со слезами блаженства.
Ты настежь открыл мне дверь, —
Ангел мой
с перебитыми крыльями,
и убийца полуночи, —
записавший все мои просьбы.

Ты меня обучил экстазу.
Преодолевать все барьеры
перед площадями со щебнем,
оставаясь с тобой
молчаливой песней любви,
повторяя всё это вечно.
Смерть имеет свойство
направлять и ломать всё
хитрой грустью
с голубоватым оттенком.

Да, ты принёс меня
в этот мир.
Ты показал мне
дорогу на небо.

МОЕ ПОСЛЕДНЕЕ ДЕРЕВО

Вдова солнца,
вдова ветра,
вдова вечера
и терпкого утра,
вдова небосвода,
раннего сада
и всего другого
в онемевшем сне.

Я — рабыня ветра,
и вдова сумерек.
Я владею бессонницей,
словно тихая птица
из французских лесов
заклинанье имея, —
вверх глядящее дерево
лишь оно для меня,
чтобы лечь
со мной в гроб.

* * *

Ты нежен,
как оттиск пальца,
как птица в снегу.

Ты грустен,
как лиственница в горах
с растрёпанной шевелюрой.

Ты сладок,
как финик
библейской пальмы.

Притом
ты крепче циклопа
и урагана
крепче, чем медные
двери храма.

Нелли ЗАКС

БАБОЧКА

Красив загробный мир,
нарисованный его пылью,
сквозь зёрна пламени земли,
сквозь её каменную скорлупу,
прекрасно приносящую
ткань прощального
непостоянства.

Бабочка!
Доброй ночи
всему твоему существу
от всех лиц
живущих и мёртвых.
Все склоняются
к твоим крыльям,
ниже розы,
к очагу созревшему
увяданием света.

Красив загробный мир,
нарисованный его пылью.
Королевский рисунок
таинства воздуха.

В ОДИНОЧЕСТВЕ

Человек в одиночестве
ищет Восток,
чтоб в сумерках взглянуть
в его
меланхолическое лицо,
когда Восток краснеет
от петушиного крика.

О, послушай меня!
В львином рыке,
как в ударах хлыста,
проходит Экватор.
О, послушай меня!
С детским лицом Керубино,
гаснущим к вечеру.

О, послушай меня!
При розоватом ветре
плывущем в ночь,
распускают дыхание песни
на пути к своим источникам.

ТАНЕЦ ХАСИДОВ

После болезней
со смертельной опасностью,
чёрные шляпы
(Бога молниеотводы)
направляются к морю.

Всё просчитывают,
всё взвешивают.
Бросают на побережье,
к свету,
свои чёрные, рваные раны.

Своими молитвами
хотят украсить мир,
дыханьем пропеть осанну
с потусторонней лёгкостью.

С минорой
просить об этом
небесную плеяду.

В ГОЛУБОМ ПРОСТОРЕ

В голубом просторе прогулка
по красной яблочной аллее,
между корней,
рвущихся к небу,
страстно желающих
приблизить
всё к прекрасной жизни.

Вот, солнце разлеглось на дороге
со своими посохами, —
опора для путников.

Остаётся надолго
на голубом просторе.
Сверчок без усталости стрекочет
в своей невидимости.

Пыльные камни
пляшут под музыку
для путников.

ЭМИГРАНТСКОЕ ВРЕМЯ ПЛАНЕТЫ

Эмигрантское время планеты.
Эмигрантские крылья полёта.
Поиск смерти в паденье.

Звездопад под магической стражей.
Забота стада о хлебе, и о ночлеге.

Чёрных яблок тупое познание, —
это страх! Это зона погасшей любви,
а задымленность, — цвет для совы.
Возбуждение, просто, охота
на ничто при полёте.

Охотничья страсть, — саван в песке, —
гирлянда прощанья.

Удары о землю, — палочное дыханье
при покорении воздуха.

ОКАМЕНЕВШИЙ АНГЕЛ

Окаменевший ангел
помнит ещё о верности
молодой вселенной,
до наступления времён.

О женских походах
к янтарному свету,
без чужих голосов.
О мире до вкушения яблока,
перед познанием истины.

И тех, причёсанных
перед несчастьем,
и рыдающих,
когда чёрное вороньё,
угрожая, рвалось
к полночи.

АККОРДЫ ПРИЛИВОВ. АККОРДЫ ОТЛИВОВ

Аккорды приливов.
Аккорды отливов.
Охотники на охоте, —
их руки с добычей
крепленьями сжаты.
Кровь — это нити.

Пальцам знакома формула эта,
словно по клеткам
расставлены зёрна
в изображеньи.

Это — страданий
стратегия запахов.
Угол дороги в пыли и в поту, —
пытка желанья воды.

ТОРОПЛЮСЬ...

Тороплюсь
на большой приём.

Быстрый ветер
срывает платок.
Ночь в шёпоте песка,
но надо спешить.
Напряженье дыхания,
как во время полёта.

Задыхается бабочка
над морем.
На крыльях её отпечатан
каждый камешек моря,
и она его предъявляет мне.

Это привет с Родины,
это метаморфоза мира.

Ойген РОТ

ЛЮБОВНАЯ ЗАПИСКА

!

Пусть ты — не здесь.

Пусть я — не там

плывём по жизненным волнам.

Хоть трудно нам нестись во тьму,

невзгоды пьём по одному.

Проносим чувства сквозь года,

любовь не гаснет никогда.

И место добрым есть словам, —

пусть ты — не здесь.

Пусть я — не там.

Роза АУСЛЕНДЕР

КРАТКОСТЬ

Снег в волосах.
Я прихожу к тебе.

Кладу свои слова
к твоим ногам.
Ты печален, как я,
потому, что день краток,
год краток,
коротка жизнь,
абсолютно.

Да
так говорят.

Но
тропы прорезали сад.
Подсолнухи с прежних времён
под небом жестикулируют,
перед счастливыми взглядами.

Но
тени из Варшавы
стесняются умертвить Ангела.
Чёрные лилии с белого поля, —
там область пожара и дыма.

Но
сад,
и в нём
бурьян поднялся почти до неба.
Корни в лесах закутаны в дым.

Где
(если спросите нас)
руки вскинутые к небу.
всё, вроде, есть,
и нет больше ничего.

ТЫ — ГОЛОС

Будь добр со мной,
незнакомец.
Я люблю тебя,
хоть мы не знакомы.

Ты — голос,
восхитивший меня.
Я слушаю тебя
спокойно
из зелени мха.
Ты — колокол счастья
с печальным звоном.

Хильда ДОМИН

ВЫБОР

Быть деревцем
миндальным,
или облачком,
что сверкает
над головами
один раз в году.

Ранней весной
над кустами, —
к этой песне
добавить нечего.

Поверить
в голубизну дня
умирающего
от холода.

Быть деревцем
миндальным,
южным, без кроны,
в рейнском краю,
где оно всё ещё
растёт и расцветает.

Продолжать расти вверх,
словно деревце
миндальное.

И вдруг заметить,
как из туннеля
выползает поезд.

Без слёз и смеха,
делать выбор:
или всё продолжать,
или не возвращаться,
или всё потерять?

При «да» или «нет»,
при «перед» иль «после»
без устали
надеяться на чудо,
тихо,
словно птицу
зажать в руке.

ЭМИГРАЦИЯ

Моему отцу

Умирающий рот
принуждает себя
к точному
произношению
слов
чужого
языка.

ЧЬЕ ПРИСУТСТВИЕ?

Кто всплакнул у тебя на пороге, —
это не я, а посторонний нищий.
Кто по ночам скрипит досками пола,
словно ему душно в постели.
Кто зовёт к себе смерть,
пересиливая стыд?

Чья подмётка скребет улицы
вчера, сегодня, завтра,
столетьями изнашиваясь.

Кто протягивает тебе руку помощи,
чья роза ежедневно истекает кровью?
Чья стрела летит в неизвестность?

Всё пугает и утешает,
поднимая невидимое крыло
для защиты тебя
от суеты мира.

С ЛЕГКИМ БАГАЖОМ

У тебя нет привычек.
Ты не желаешь привыкать.
Роза — всегда только роза.
Однако домашний очаг
не всегда — домашний очаг.

Ты твердишь: ошейник на собаке
для виляния хвостом, —
только для вида,
но ты заблуждаешься:
уходят не для того, чтоб остаться.

Одна ложка лучше, чем две,
чтоб повесить на шею.
Тебе достаточно одну
держат в руке,
чтоб было тяжело и тепло.
Процеживать сахар сквозь пальцы,
для утешения,
для пожелания
дню,
который вот-вот придёт.

Ты хочешь иметь одну ложку,
одну розу,
только одно сердце,
и, быть может,
одну могилу.

Эрих ФРИД

ТЕНДЕНЦИОЗНОСТЬ СТИХОТВОРЕНИЯ

Я обращаю к памяти
свою ярость.
Свои поиски
точных слов,
при моей злости,
к последней правке
перед чистовиком,
последнего чтения себе.
К радости
удовлетворения,
перед
последними штрихами.

Я заставляю забыть
весь трепет подхода
к белой странице.
Заглушить свой страх,
ибо мои пальцы
становятся ватными,
когда я держу бумагу.
и хочется швырнуть
её на землю, перед тем,
как появится чистовик.
Размахивать им,
после того,
как я его ощутил.

ПЕРЕЧИТЫВАЯ ЦЕЛАНУ

Только что
читал о твоей смерти, —
стремительной и жуткой.
Крепко сжал зубы,
представив её ясно.
Пью горечь этой картины,
что причиняет нестерпимую боль,
и одновременно думаю
об ошибке, —
что это твои стихи
для рецензии.
Отбрасываю приглашение
в ночь.

Знакомая песня,
словно потусторонняя,
умирающая.
Песня будущего
потусторонняя
в её безвременье.
Оно выпито, — это
потустороннее пенье.
Живёт только
для размышленья.

Не единичная песня
потусторонняя —
для человечества.

Хайнц ПИОНТЕК

Я — АНТОН ПАВЛОВИЧ

Симулирую здоровье.
Протирая пенсне,
наблюдаю за курьером.

Как писатель
с профессиональным интересом
заглядываю всем в глаза.

Сочиняю сюжеты,
словно ударяю тростью
по ранам из яркого
источника луны,
и ледяным глыбам
Сахалина.

Господь напоминает мне о хвори,
но я, не прекращая, пишу тексты
о женской нежности,
о мошенниках,
о свежей зелени,
о серости и глупости.

Моя звезда свободно
освещает мне описание
«Вишнёвого сада».

Беру персонажей из поместья,
и отправляю их в театр.

Я стремлюсь
открыть всем глаза на правду,
делая паузы между репликами.

Свой гонорар
зарабатываю потом и энергией.

Когда меня хвалят старики,
я забываю о болезнях.
Юноши измываются
над моим старанием.
Они желают видеть
сквозь перчатки мою кровь.

Я ощущаю её
при сердцебиении.

Да, я не показываю этого,
изо дня в день симулируя здоровье.

У меня не хватает совести,
чтобы просить отсрочку
у лёгких.

В КОМНАТЕ

Ближе к пяти
с наивно
повёрнутыми ногами.

Календарная спешка
влево, вправо. В остатке —
через Грецию.

Трубочный табак,
фортепьянная музыка, —
все радости.

Немного смелости
для аппетита к обеду.
Быстро. Быстрее.
Посуда перед дверью.
Мой диван.
Свет издевательский.
Человек. Собака.

Перерыв.
Картины —
дорожки через мостки
к набережным.
Расплата своими зеркалами...

Эти шелесты
Богом забытых книг
с литерами.

Ладно.
Итак, не позднее восьми.
В семь, — в постель.

С ФРАНЦУЗСКОГО

Теофиль ГОТЪЕ

КАРМЕН

Кармен — худющая гитана,
глаза — обугленный сапфир.
Взгляд, — вызов дерзкого смутьяна,
а кожу ей дубил Сатир.

«В ней красоты нет даже слéда», —
вот женщин строгий приговор.
Но добрый пастырь из Толедо
стоит пред ней, потупив взор.

Её лицо неординарно,
оно, как спелый абрикос.
А тело, — несколько вульгарно
завёрнуто в ручей волос.

С красоткой этой, полной жажды,
никто не в силах совладать.
Кто ею обладал однажды,
готов ей жизнь свою отдать.

С ней всё легко и быстротечно,
и неудачи прежних лет
уходят прочь (не все, конечно)
под звук ритмичных кастаньет.

В ней все желания не скрыты, —
и прихоть, и каприз, и честь.
И кажется, что Афродита
из пены возродилась здесь.

ГИППОПОТАМ

На Яве, в сказочном пейзаже,
зверей не перечислить нам.
Но всех милее, ближе, краше
мне увалень-гиппопотам.

Всех рыком раздражает тигр,
змея язвительно шипит.
Под хохот обезьяньих игр
гиппопотам на брюхе спит.

Ни вздохов, ни глубокой дрожи,
спросонья слёз не может быть.
Уверен он: солдату кожи
его ни в жизнь не прострелить.

О, как во многом мы похожи:
я мыслью поглощён своей
и одинок, и замкнут тоже
среди суетливости людей.

Шарль БОДЛЕР

* * *

Ты в душный свой альков любого б затащила.
Откуда у тебя такая власть и сила,
и дьявольский напор, ну кто б подумать мог? —
Мужчину скрутишь ты в бараний рог.

Глаза твои горят, как два больших костра,
все ночи напролёт до самого утра.
Испепелилось в них весьма достойных столько
мужских сердец, выносливых и стойких.

Безжалостный вампир! Бездушный автомат!
В заманчивый твой рай попасть бы каждый рад.
Отринув всякий стыд, ты принимаешь позы,
используя при том свой самый верный козырь.

А сколько ты с собой приносишь людям зла?
За яростный восторг, за губительный террор, —
о, Женщина! Позор тебе, позор!

Чудовище судьбы, великое творенье,
прими поклон мужчин, любовь и восхищенье!

* * *

Вот если б ты назначила экзамен,
когда в постели я лежал с тобой,
наверняка я вызвал бы на бой
твой бешенный еврейский темперамент.

Ведь красота твоя мне сердце ранит:
твои глаза с улыбкой озорной,
разлёт бровей, изогнутых дугой, —
всё вижу я, как в сладостном дурмане.

С макушки и до пальцев стройных ног,
морщинки все и каждый волосок, —
без устали б я ласками окутал.

Когда бы пробудиться ты смогла,
своим разящим взглядом обожгла, —
счастливей я б не испытал минуты.

Жозе Мария де ЭРЕДИА

НИМФЕЯ

Квадрига мчит с горы из зарева заката,
легко преодолев превратности дорог,
поводья натянув, — ей помогает Бог, —
и вот уж позади небесная заплата.

И только тишина доносит виновато
аккорды звона, что от ветра занемог.
Не разглядеть во тьме, как на небо прилёт
латунный диск луны, от устали измятый.

Колчан и лук без стрел. Всё нимфе надоело,
она их утопить в болоте не успела,
как прибежал олень испить воды в тиши.

И тут под юною луной раздались трели, —
сам Пан, войдя в экстаз, играет на свирели, —
под музыку его танцуют камыши.

Поль ВЕРЛЕН

ОСЕННЯЯ ПЕСНЯ

Гитарный звон,
как камертон, —
качанье сосен.
Его мотив,
души надрыв,
разносит осень.

Мечты во сне
не в радость мне,
не в утешенье.
Я весь в слезах
о прошлых днях, —
лечу за тенью.

Тебе я рад,
мой кровный брат. —
осенний ветер.
Как лист сухой,
я сам не свой
на целом свете.

Морис РОЛЛИНА

СОНЕТ

Гнилой подвал — мой нынешний ночлег.
На жёстком топчане я ночи коротаю.
Я к этому пришёл, я лучшего не знаю.
Здесь обречён я доживать свой век.

О, Вавилона блеск! О, святость Мекк!
Я в них мечтой давно уж не витаю.
Абсента рюмку мне и чашку чая, —
вот, что сейчас мой успокоит бег.

Я язвами изрыт, на мне висят лохмотья,
в них спрятал хлеба чёрствого ломоть я,
чтобы позднее голод утолить.

Меня бездомных псов преследует орава,
и каждый норовит вильнуть хвостом лукаво,
стремясь расположенье заслужить.

МОНСТР В ЮБКЕ

Она парик швыряет на диван, —
там ореол волос ложится кротко.
И жёлтый череп гол, как истукан,
грим по щекам стекает к подбородку.

Открыла рот, сняла зубной протез,
стеклянный глаз кладёт на дно стакана,
и прежний образ в тот же миг исчез, —
теперь он, — украшение дивана.

От ватных масс освободила лиф,
словами воздух выдохнув, как взрыв:
«Обманут красотой, козёл безрогий!»

И несусветное вообразив
(с чем в данном случае сравнится миф?)
раздвинула искусственные ноги.

Жан МОРЕАС

ИЗ КНИГИ «СТАНСЫ»

1

Не утверждай:
жизнь — пиршество страстей!
лишь к дураку такая мысль приходит.
Питает нас не масса новостей,
а то, что есть в обычном обиходе.

2

Всё чушь!
Пляшите, пойте по весне,
скорбите о потерях и невзгодах.
И задыхаясь в общей мельтешне,
поймёте, что зазря промчались годы.

3

Когда возвращусь к тебе, море, —
тебя наконец оценю.
И шуму прибойному вторя,
я скуку в тупик загоню.

Ты станешь солёною пеной
лечить меня, лаской пьяня,
слова мне шептать вдохновенно
о прелестях нового дня.

4

Мне надоели осень и Париж, —
они на сердце нагоняют скуку.
Со мною ветер или же бесстыж,
иль вдруг завоет с перепугу.

Меня признает, может быть, Париж
и приласкает добрым взглядом,
чтоб я в нору не прятался, как мышь,
в неистовом разгуле листопада.

5

Когда сквозь туч свинцовых стужу
ты даришь мне тепло и свет
и появляешься снаружи, —
ты осени наносишь вред.

Зачем? Открой мне, солнце, правду,
ведь времени тебе не жаль,
ты этим нарушаешь право, —
нести, как крест, свою печаль.

6

Мои ровесники давно в могилах.
Себя от лишних бед я берегу.
Зерном кормлю я пташек легкокрылых,
и пусть мой урожай гниёт в стогу.

Спокоен я, — интриги Аквилона
мне нипочём, — ведь им неведом стыд.
И лишь дыханье лиры Аполлона,
меня на ритмы снова вдохновит.

7

Тебя волнуют судьбы мира,—
всё в них наперекор.
Но о себе напомним лира, —
к ней обрати свой взор.

Учёный сноб проямлит монотонно:
«Искусство не причём».
Не верь, — ведь правда в лире Аполлона, —
в ней чувства бьют ключом.

Уходят старцы, в новых поколениях
звучит простор веков.
Они отметят в трепете мгновений
сюжеты для стихов.

8

О, облака! Небесные бродяги, —
куда спешите в зной и холода?
Как у фрегатов порванные стяги,
цель ваша неприступна и горда.

За вами вслед по прихоти погоды,
где рвут ветр́а простора полотно,
я мысленно лечу, забыв невзгоды,
другого мне, как видно, не дано.

9

Рассвет моргнул, все травы в изумруде,
и — петушиный крик.
Восторгами и шёпотом прелюдий,
день предъявил свой лик.

Париж! Ещё ты спишь, с рассветом споря,
мечтой о счастье одержим.
Я жду, что ты засуетишься вскоре,
и протрубишь свой гимн.

Я встрепенусь душой от сонной скуки,
приветствуя зарю...
И наконец под дня шальные звуки,
я что-то сотворю.

10

Мне не нужны цветов благоуханья,
мне флейт и скрипок звуки — как балласт.
Что прежде вызывало бы желанье,
не восстановит сгинувшую страсть.

Не возбудит дыханья острый мускус, —
пьянящий взгляд не тронет душу мне.
Теперь не дрогнет ни единый мускул, —
сгорю легко на солнечном огне.

Меня любовь не искушает боле, —
не опоит ваш огненный нектар.
Из амфоры пустой, плывущей с болью, —
не станет сердце ваш держать удар.

От ваших бесконечных превращений
в кленовом задыхаюсь я гробу.
Не думаю о счастье с вождельем,
и больше не пеняю на судьбу.

11

Мы близнецы с тобой, Париж!
Лишь солнца луч блеснёт из тучи,
ты по просторам зазвенишь,
и теплоты не сыщешь лучше.

Вдруг небо спрячет солнца луч,
прохлада ляжет пеленою.
Тоска прильнёт, но я живуч,
со скукой справлюсь и с бедою.

Мечта поставит мне задачу, —
всю жизнь свою переиначить.

12

Появится осенняя прохлада,
и листопад ковром украсит пруд,
и мельницы закружат виновато,
их сквозняки в мою проникнут грудь.

Я у пруда на гладкий камень сяду
и в зеркале воды увижу лик,
и словно солнце в зареве заката,
исчезнет лик мой так же, как возник...

Анри де РЕНЬЕ

ЭЛЕГИЯ

Начну я говорить, когда из глубины
ваш облик отразит вода беспечно,
и шорох набегающей волны
напомнит: «Красота недолговечна».

И ваши руки соберут в букет
то время, с устаревшим ароматом.
Его вдохнув, не улыбнётесь, нет,
потупитесь с улыбкой виноватой.

Нам пчёлы, в лёгком воздухе паря,
и тяжестью своей цветы сгибая,
жужжанием мелодию творя,
до боли прошлое напоминают.

Начну я с вами говорить, когда
дыханье роз заставит вашу руку
не задрожав, не испытав стыда,
в моей застыть уверенно, без звука.

Не голос мой, не ветер в вышине, —
любви голос зазвучит, пророча,
и время растворится в тишине,
бальзамом дня и ароматом ночи.

Поль-Жан ТУЛЕ

* * *

Уходят годы, их не вернуть назад.
тебя я, прежнюю, опять увидеть рад.
Улыбку и лукавый взгляд, —
ну, хоть во сне.

Я вновь спешу к тебе, я силы все напряг.
ты рядом, где-то здесь, ты подаёшь мне знак.
Поторпись, последний сделай шаг
навстречу мне.

Берёзка среди туч. Ну, прикоснись, задень,
я чувствую тебя в ненастный этот день.
Твоё лицо, иль это только тень
в моём окне.

Поль ВАЛЕРИ

ГРАНАТ

От спелости трещит его кора,
и открывается витраж граната.
Кровавыми кристаллами богата
архитектоника его нутра.

Под лаской солнечной плоды равнин
своей неволью подчиняют власти,
так хочется скорее к ним припасть и
залиться соком до самих глубин.

И мнится, что сбываются мечты,
в которые не мог поверить ты,
но вот, — великодушие граната

взбодрило состояние души,
теперь уж веселись, — пой и пляши, —
всё покровительством его объято.

Пьер Жан ЖУВ

БЫТИЕ

Что бытие? Красоты могущества.
Оно светит, как голубые горы,
И жалостливо, как облака к небу,
И неизбежно, как далёкая смерть.
Трогательно, как звёзды над пропастью,
и так же глубокомысленно.
Но оно ничего не использует,
лишь пропускает через себя
к тому, кто его не замечает,
даже к святому, что любит без любви.
Оно изливает сердцем грусть к звезде,
чей силуэт застыл в окаменевшей толпе.

Пьер РЕВЕРДИ

ТИШИНА ИНТЕРЬЕРА

Зима. Тишина.
Свет вечерний несут фонари.
За окном пролетает птица.
Руки пляшут на крышке.
Позади колышется тень.
Тишина что-то шепчет.
В саду умирают цветы.
Легки огоньков мерцанья...
Каждый хочет уснуть.
Листопад разошелся вовсю.
От окна по стенам пляшут блики.
Ночь надела свои украшения.
Драма без зрителей...

МЕЖ ДВУХ МИРОВ

Дрожание тени, но это не всё,
ветер гуляет напропалую,
порывы его находят приют
на стене,
создавая иллюзию вечности.
Ночь меняет себя,
я почему-то рядом.
Возникает сомнение, —
следы шагов на тропе, —
они тянутся в бесконечность,
не замечая того, что вокруг.
Стены корчат гримасы.
Моё внимание обращено к морю, —
голубая звезда сопровождает его.

НЕПОДВИЖНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Когда люди открывают окна,
солнце заполняет квартиры.
Людей радует его присутствие, —
их песни звучат всю ночь.
Я слышу их голоса за правой стеной, —
их шёпоты, хохот и храп.
Однако один голос ещё поёт, —
его звуки усилены эхом.
Съезжаются экипажи,
выходят люди
в чёрных платьях
и серых костюмах,
экипажи в уличной пыли.
Дом заполняется новыми голосами
без песен, хоть они все веселы и бодры.
Маятник движения остановлен, —
он принадлежит лишь себе.
Картины ночи повторяют
вечные фотографии без рам.

ТАЙНА

Колокола молчат. Птицы немые.
Дом спит под покровом тишины.
Десять часов. Земля безмолвствует.
Хочется услышать каждый вздох.
Дерево сверкает хитрой ухмылкой.
Влага вздрагивает на краях листьев.
Облака держат путь к ночи.
Перед дверьми мужчина поёт песню.
Сиплое дыхание воздуха.
Окно с лёгкостью летит в никуда.

Жак ПРЕВЕР

БАРБАРА

Вспомни, Барбара,
в тот день над Брестом
шёл непрерывный дождь, —
ты шла под ним
сияющая, промокшая.
Вспомни, Барбара, —
над Брестом шёл
непрерывный дождь.
Наши пути пересеклись
на улице Сиам, —
мы улыбнулись друг другу.
Вспомни, Барбара,
мы не знали друг друга.
Вспомни, Барбара, тот день,
когда мужчина под аркой
окликнул тебя, —
ты помчалась к нему под дождём,
с восторгом, промокшая,
и захлебнулась в его объятьях.
Вспомни, Барбара, —
не сердись на мою фамильярность,
я так говорю со всеми, кто влюблён,
если даже мы незнакомы.
Вспомни, Барбара, —
этот юный счастливый дождь
на твоём счастливом лице,
над морем с военным портом
над кораблём Уэссан...

Вспомни, Барабара!
Какое свинство — война!
Где ты сейчас, под дождём, —
стальным и кровавым?
А тот, кто обнимал тебя, —
он умер, исчез, может быть, жив?
О, Барбара! Над Брестом
идёт бесконечный дождь,
такой, как тогда, нет, новый,
теперь всё погибло.
Этот траурный, жуткий дождь. —
нет, не гроза, — стальная, кровавая,
и облака, подыхающие, как псы,
разлагаются на небе
вдали от Бреста,
которого больше нет...

Жан ФОЛЛЕ

РИСУНКИ

Клиент, в полумраке ресторана,
вынимает зёрна их скорлупы миндаля,
и кладёт их в свою ладонь.
Плечо его вздрагивает, —
он выпивает стакан жидкости.
Лес побелел вдали
под снежным покровом.
Останавливается полная официантка, —
она довольна увиденными
картинами зимней ночи...
Конец страницы удивительной книги,
слова в ней, напечатаны крупным шрифтом,
внимательно прочитаны...

Рене ШАР

ЧЕТЫРЕ СВЯЗКИ

1. Бык

Ночь ни за что, когда от стонов
ты умираешь, не уступит свою темень.
Ты для неё — солнце,
ты излучаешь свет.
И истина, тобой любуясь,
свой держит в ножнах нож
и после пронзает им себя.

2. Форель

На побережье вы напевае­те у статуй,
погружён­ных в мечты,
с чувством удовлетворён­ности.
Баркас, сколь­зя по гравии,
заикаясь, скрипит, —
он стеснён спокойным течением.

О, стебли, стебли! Здесь ваше место.
Без отдыха вы постоянно из воды торчите.
Кто заметит ваше присутствие?
При шквалах стекловидны блики форели,
и сердце ваше под угрозой собственной казни.

3. Змей

Княжна утомлена
бессмысленной любовью.
Чем занимался ты в изгнание?
Наш мудрый Бог
меня презреньем удостоил.
Я растерялся, но
не пожелал возврата.
Твоя раскраска, гибкий змей,
достойна поощренья.
В защите всех лесов
и каждого жилища.
Граница между
страхом темени и света,
при бегстве грань видна,
по сторонам змеи.

4. Жаворонок

От первого небесного тепла,
и разогрева дня,
мы замечаем ценность их,
и музыку весны, —
они всегда приятны миру.
Господний колокольный звон, —
дыхания полёт свободный, —
иллюзия его пронзает нас восторгом.

ДВУМ ДЕТЯМ

1. Луиза

«Голубизна трёхнедельных глаз!»
Я дрожу, как пожелтевший
кустарник вяза или тамариска.

Я шепчу, растягивая слова,
взяв малютку на руки,
из твоих материнских рук,
целуя его в сладкие щёки.

В мягкую колыбель его
проникают солнечные лучи.
Луиза! Я вижу тебя розой
из прекрасного сада.
Я бесконечно счастлив, как путник
от свежести прохлады.

2. Елена

Стрела дороги в лепестках роз.
Слава Богу!
Мой дом теперь и твой дом.
В нём твои заботы о малютке.
Дороги ведут к моему сердцу, —
к реальному сновидению.

Елена! Елена!

Чего ожидать от неё,
четырёхлетней, под опекой всех?

Твоя красота ярче радости,
во всём многообразии, —
она, как лунный золотой свет.

Руки твои останавливаются
от желания любви.

К.

Ты рядом многие годы, моя дорогая,
сквозь все эти годы ты ждёшь, ищешь
мою поддержку,
но, увы, я могу лишь охладить тебя.
Ничего, кроме ожидания смерти,
Ничего, — это приказ, —
медленное томительное ожидание.
Ничего, — мы останемся только друзьями.
мы будем ими всегда, посещая друг друга...

Окна закрыты,
лишь бумажные приглашенья, —
последняя краткая милость.
Ожерелье наших гор,
наша слабая вспышка.
Я говорю о милости счастья,
ты — о милости на небесах.
В какую иную тайну
мы будем посвящены,
ничего не теряя, — другого пути нет...
В нашем сознании останется то,
что ему нужно.
Оно уничтожит новое,
найдя встречное внутри
собственной солнечной дороги,
почувствовав на ней своё счастье.

Ты достигла пика возмущения,
сквозь моё ожидание пути,
когда завтра утра для нас
больше уже не будет.

ИЗ СНОВИДЕНИЯ

Возврат — та же любовь.
Воскурение в каменном рельефе,
в кровотокащих впадинах,
лечение от пустоты.
Счастье — вдох смерти,
словно извивы змеи.

ИЗ ОТКРЫТОГО ОКНА

Лицо белое, тёплое.
Сестра говорит в пространство.
Состояние влюблённости
на белом, тёплом лице.

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ФАКЕЛА

Огорожен. Объявлен сгоревшим.
Облаком проплыл впереди себя
навстречу другим облакам, пещерным.
Под гипнозом, словно под словом.

Постоянство правды.
В стене новая трещина.
На подъёме взволнован канат...
Глубина измерена.
Возвращён силуэт пивной.

Молчание при лёгкости крови.
Возвращение стрелок назад.
Тяга к любви безответна.

Жан КЕЙРОЛЬ

НАДПИСЬ НА СТЕНЕ

Я — собственность той тишины,
что тенью слабого звука
всем предлагает веру
в горечь французского хлеба.

Я — собственность возвращенья
к запертой наглухо двери.
Кто во дворе горлопанит,
кто голосит о мире?

Я — собственник грусти неба
вечно влюблённого в камни.
Землю питают рассветы
заревом красным восхода.

Андре ФРЕНО

БРАНДЕНБУРГ

Среди сосен
в баке бетономешалки;
в цементе стучит моя кровь,
запертая в сновиденье.

Сквозь трещину в стене
проникает дневной свет.
К вечеру плывут облака,
гибкие, как фламинго.

Аист пролетает от шпиля кирпичи
к собственной тропе.
Он хочет протащить
свободный простор.

Через пейзажи,
трупы лошадей и птиц, слёзы,
невообразимое цветение, —
к жемчужине небес, и затухнуть.
Через всю мою жизнь к твердыне
и умереть в Бургундии или в Париже.

Нотр-Дам показывает мне
свои стены,— их сладкую смесь.
Собор этот — наша древняя невеста,
я различаю это на отражении
своей лопаты при восходе солнца.
Песок протекает сквозь моё лицо.

С ПОЛЬСКОГО

Тадеуш РУЖЕВИЧ

ВО СНЕ Я КРИЧАЛ...

Во сне я кричал.
Перед глазами
стояли покойники, —
они улыбались.

Меня пронзило
холодной дрожью.

Темени остриё
проникало в моё нутро.

УЦЕЛЕВШИЙ

Мне всего-то двадцать четыре.
Я уцелел
при неминуемой гибели.

Как всё разделить поточнее:
людей и зверей,
любовь и ненависть,
друзей и врагов,
солнечный свет и мрак?

Звери убивают людей, —
я это видел.
Фургоны с человеческими телами,
всех убивали разом.

Как всё распознать поточнее:
зло и добро,
правду и ложь,
смелость и трусость,
красоту и уродство?

Равно ценились добро и зло.
Я видел их, —
добряков и преступников.

Вечен мой поиск учителя,
который сумел бы вернуть мне слух и речь,
назвать всё своими именами,
отличить мрак от солнца.

Мне всего-то двадцать четыре.
Я уцелел
при неминуемой гибели.

Вислава ШИМБОРСКАЯ

ДЕЛИКАТНОСТЬ СЛЕПЫХ

Я читаю стихи слепым, —
это сложно и очень трудно.
Каждый звук сопровождает дрожь,
даже руки во власти дрожи...

Ощущаю, что строки стихов
тонут в темени глаз закрытых.
И представить должны они
обесцвеченные сюжеты.

И впитать стихов откровенье,
россыпь звёзд, что живут в стихах,
облака, лунный свет и солнце,
рыб серебряных под водою,
пятна чёрных орлов на небе.

Я читаю. Но потемнело:
вот малыш в зелёном, луг в жёлтом,
черепица на доме серая,
номера на спортивных майках,
обнажённая дама у двери.

Вспоминаю, хоть это сложно,
фигуры святых на костёле,
прощанье у окон вагона,
стекло, что играет в перстне,
зеркала, как фотоальбомы.

Но как деликатны слепые,
как спокойны и терпеливы,
улыбаясь, ладоши сдвигают...
робко книги моей касаясь,
хоть она и вниз головою,
и автографы просят на память.

БАЛЛАДА

Вот баллада о погибшей,
что вдруг о́жила мгновенно.
Вот баллада, что когда-то
возвратила память мне.

У открытого окошка
лампа спальню освещала, —
не дремала в тишине.
Даже то, как хлопнув дверью
вёл по лестнице, в испуге,
вниз, убийцы жёсткий след.
Тяжело пока ступая
мысли повернулись вправо,
в направлении печи.

И собрав следы убийцы,
в углем пахнувший совок,
в печь их бросила брезгливо,
вместе с пачкой фотографий, —
этот запах прежних лет.
Не убитая нисколько,
не затравленная горем,
пережила этот бред.

Стала также жить, как раньше,
плакать и смеяться вволю,
и как прежде возмущаться,
что ковёр прогрызламышь.

Также радоваться громко
пустяку, что застревает
в луже дождевой преградой
серый крохотный голыш.
Словом, так же, как у многих,
так же время быстро мчит...

ФОТОГРАФИЯ

(11 СЕНТЯБРЯ)

Они летят с горящего этажа.
Первая, вторая, попарно
летят вниз, выше, глубже.

В них дыхание жизни,
чтобы продлить её на земле,
где каждый ещё жив и цел,
и не нарушена внешность,
и кровь у всех прекрасна и чиста.

И впереди ещё много времени,
пока не загораются волосы,
пока не выпадают ключи и всякая мелочь
из карманов и портмоне.

Пока они ещё парят в воздухе
в районе своей службы,
и голова полна открытий...

Что я могу сделать для них?
Описать их стремительный полёт,
оборвав строку многоточием...

ТРИ СТРАННЫХ СЛОВА

Я произношу будущее слово
с первым слогом из прошлого.
Я произношу тихое слово,
мною уничтоженное когда-то.
Я произношу слово ни о чём,
сказанное в малом небытии комнаты
случайно, наобум, беззвучно.

УТРО

Туманно и холодно.
Долгожданное утро
приходит к нам с запада,
начиная дождями из туч
и обещанием быть плохим.
Улицы мокры и скользки.

День постепенно угасает
под натиском северного ветра,
который мешает прояснению,
и предвещает грозу.

Ночь
позволяет народу поститься, —
с запада несутся удары.
Резко падает температура
из-за давления атмосферы.

Назавтра солнечно,
но зонты необходимы.

С ИДИШ

Рейзл ЦИХЛИНСКАЯ

ВЕЧЕРОМ

Ицику Мангеру

Вечер накрыл
каждый лист,
каждую птицу.

Я с кувшином в руке
собираю в него
вечерние слёзы...
Катер добавил
вечеру красоту.

Тени деревьев,
переплетаясь, ложатся
на наши головы.

Скоро начнётся
собачий вой,
и тишина задохнётся.
Шум острым ножом,
разрежет небо.

Кувшин содрогнётся
в моей руке.

НЕ МОЁ ОКНО

Нет, — это не моё окно,
за ним нет снега моего.
И в доме я живу чужом,
встречаю в нём чужие ночи.

Спрошу у Бога я
в чужой стране,
чужого Бога:
«Откуда я, куда иду?»

В ответ молчание
строкой ослепшего письма.

ВОСЬМИДЕСЯТИЛЕТНЯЯ

Она свои годы кладёт
в костлявые руки, —
нет места другого
куда бы их спрятать.

Весеннее солнце
не любит старух, —
не пляшет на лицах
с морщинами.

Она свои годы кладёт
в костлявые руки, —
нет места другого
куда бы их спрятать.

СНЕГ

Вот, снег
залетевший сюда
и землю собою обнявший,
закутал её холодным мехом.

Вороны напуганы
его ослепительной белизной.
Они улетают подальше,
в клювах зажав добычу.

Всё снежит, и снежит,
но люди знать ничего не желают:
смерти, рыданий, жертв, раскаяний.

СОДЕРЖАНИЕ

С НЕМЕЦКОГО

Пауль ЦЕЛАН

Мерцанье древа.....	7
Двенадцать лет.....	9
Благословенье.....	10
Шлюзы.....	11
Псалм.....	12
Некто.....	13
Лёд Эдема.....	14
Сибириада.....	15
Химическое.....	16
Подле вина.....	18

Гюнтер АЙХ

Просматриваю.....	19
Истина происхождения.....	20
Твой день.....	21
Лемберг.....	22
Свалка.....	23
На острове Хеленчензее.....	24
Солнечный свет.....	25
Королева Гортензия.....	26
Японская гравюра на дереве.....	27
Останови взгляд.....	28
Ручей в декабре.....	29
К зимнему утру.....	30
Флора на побережье.....	31
Западный ветер.....	32
По дороге к вокзалу.....	34
Средневековье.....	35

Георг ТРАКЛЬ

Рождение	36
У трясины	37
Ночное смирение	38
Вороны	39
Аминь.....	40
Вечернее обращение к сердцу.....	41
Ночной романс.....	42
Музыка в саду Мирабель.....	43
Человеческая скорбь.....	44
Гродек.....	45
В глубине.....	46
Весна души	47
Священные сумерки	48
Разруха	49
Из окна	50
Сравнения.....	51
Сонное	52
Подсолнухи	53
В летних сумерках.....	54

Ингеборг БАХМАН

Безвременье.....	55
Эмиграция	56

Георг ГЕЙМ

Длинные твои ресницы.. ..	57
Запах воздуха	59
Повсюду разрушений почерк.....	60
Финальная вигилия.....	61

Альберт ЭРЕНШТАЙН

Надежда	62
Странник.....	63

На бездыханной земле	64
Печаль.....	65
Поэт и песня.....	66
Меня поджидает смерть.....	67
Копание в себе.....	68
Мирное время.....	69
Неистовство.....	70

Карл КРОЛОВ

Последняя ночь	71
В зазеркалье	73
Мифология стены.....	74
С утра.....	75
Воспоминание	76
Явление.....	77
На бульваре.....	78
Время полудня	79

Альфред ЛИХТЕНШТЕЙН

Битва у Саарбурга.....	80
------------------------	----

Теодор ФОНТАНЕ

Исход	81
-------------	----

Фридрих НИЦШЕ

Солнце садится	82
----------------------	----

Рихард ДЕМЕЛЬ

Молитва воздухоплавания.....	84
Тихий город.....	85
Голос из темноты.....	86
Кладбище.....	87
Ночной натюрморт	88
Зонический час	89

Август ШТРАММ

Вечернее странствие.....	90
Сумеречный рассвет.....	91
Патруль.....	92

Иван ГОЛЛЬ

Караван желаний.....	93
----------------------	----

Эльза ЛАСКЕР-ШЮЛЕР

Хроника.....	94
Последний.....	95
Вот вечер нагринул.....	96
Последствие болезни.....	97
Пауль Цех.....	98
Георг Тракль (1).....	99
Георг Тракль (2).....	100
В тоске по дому.....	101
Три голубя.....	102

Клэр ГОЛЛЬ

Я в сердце твоём родилась.....	103
Мое последнее дерево.....	104
«Ты нежен...».....	105

Нелли ЗАКС

Бабочка.....	106
В одиночестве.....	107
Танец хасидов.....	108
В голубом просторе.....	109
Эмигрантское время планеты.....	110
Окаменевший ангел.....	111
Аккорды приливов. Аккорды отливов.....	112
Тороплюсь.....	113

Ойген РОТ

Любовная записка..... 114

Роза АУСЛЕНДЕР

Краткость..... 115
Ты — голос..... 117

Хильда ДОМИН

Выбор..... 118
Эмиграция..... 120
Чье присутствие?..... 121
С легким багажом..... 122

Эрих ФРИД

Тенденциозность стихотворения..... 123
Перечитывающая Целана..... 124

Хайнц ПИОНТЕК

Я — Антон Павлович..... 125
В комнате..... 127

С ФРАНЦУЗСКОГО

Теофиль ГОТЬЕ

Кармен..... 131
Гиппопотам..... 132

Шарль БОДЛЕР

«Ты в душный свой альков любого б затащила...»..... 133
«Вот если б ты назначила экзамен...»..... 134

Жозе Мария де ЭРЕДИА

Нимфея..... 135

Поль ВЕРЛЕН

Осенняя песня 136

Морис РОЛЛИНА

Сонет..... 137

Монстр в юбке 138

Жан МОРЕАС

Из книги «Стансы» 139

Анри де РЕНЬЕ

Элегия 144

Поль-Жан ТУЛЕ

«Уходят годы, их не вернуть назад...» 145

Поль ВАЛЕРИ

Гранат 146

Пьер Жан ЖУВ

Бытие 147

Пьер РЕВЕРДИ

Тишина интерьера..... 148

Меж двух миров 149

Неподвижная реальность..... 150

Тайна 151

Жак ПРЕВЕР

Барбара..... 152

Жан ФОЛЛЕ

Рисунки 154

Рене ШАР

Четыре связки.....	155
Двум детям.....	157
К.	159
Из свидения.....	161
Из открытого окна.....	162
Исчезновение факела.....	163

Жан КЕЙРОЛЬ

Надпись на стене.....	164
-----------------------	-----

Андре ФРЕНО

Бранденбург.....	165
------------------	-----

С ПОЛЬСКОГО

Тадеуш РУЖЕВИЧ

Во сне я кричал.....	169
Уцелевший.....	170

Вислава ШИМБОРСКАЯ

Деликатность слепых.....	172
Баллада.....	174
Фотография (11 сентября).....	176
Три странных слова.....	177
Утро.....	178

С ИДИШ

Рейзл ЦИХЛИНСКАЯ

Вечером.....	181
Не моё окно.....	182
Восьмидесятилетня.....	183
Снег.....	184

Літературно-художнє видання

СЕРІЯ «Бібліотека “Крещатика”»

Заснована в 2023 році

Леонид Бердичевский

МЕРЦАНЬЕ ДРЕВА

(російською мовою)

Макет обкладинки і верстка Борис Марковський

Формат 60x84 1/16. Наклад 100 прим. Зам. № 5718

Папір 80 офсет. Друк цифровий. Ум. друк. арк. 12

Гарнітура «Cambria».

Підписано до друку 14.01.2024 р.

Видавець Федоров О. М.,

«Друкарський двір Олега Федорова»

Адреса: а/я 24, Київ-205, 04205, Україна,

e-mail: relaks-oleg@ukr.net

Свідоцтво про внесення до Державного реєстру видавців,

виготовлювачів і розповсюджувачів видавничої продукції

серія ДК № 3668 від 14.01.2010 р.

Віддруковано в друкарні ТОВ «7БЦ»

Адреса: 07400, Київська обл., м. Бровари, б-р Незалежності, 2/148

Свідоцтво про внесення до Державного реєстру видавців,

виготовлювачів і розповсюджувачів видавничої продукції

серія ДК № 5329 від 11.04.2017 р.

ЛЕОНИД БЕРДИЧЕВСКИЙ родился 24.11.1938 года. Потомственный киевлянин. Работал в разных жанрах изобразительного искусства. Выставлялся на всевозможных выставках. С 1993 года проживает в Берлине (ФРГ). Л. Бердичевским опубликовано более двадцати книг (стихи, проза, эссе о полузабытых художниках, переводы с пяти языков).

**ДРУКАРСЬКИЙ ДВІР
ОЛЕГА ОВДОРОВА**

